

СЕРГЕЙ ЗАХАРОВ, ЕЛЕНА ЧУРИЛОВА

Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь?

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104>

Sergei Zakharov, Elena Churilova

Fertility in Russia: Does Religion and Religiousness Matter?

Sergei Zakharov — HSE University (Moscow, Russia). szakharov@hse.ru

Elena Churilova — HSE University (Moscow, Russia). evchurilova@hse.ru

Since the collapse of the Soviet Union, the share of believers, as well as practicing believers among young Russians increased. All four so-called traditional religions in Russia — Christian Orthodoxy, Islam, Buddhism, and Judaism — encourage large families. Although the data from official statistics does not allow finding a correlation between fertility and religion, this can be done with the data of socio-demographic surveys. We use the Russian part of “Generations and Gender Survey” (conducted in 2004) and “Person, Family, Society” (conducted in 2017) to analyze the differences in the number of children ever born among women in the generations 1930–1989 depending on their religion and religious activity. Our results show that the fertility of Muslim women from 1940–1979 birth cohorts is close to or above the level of reproduction. Total fertility rate of Orthodox and non-believers is stable at about 1.7 children per woman. Women from the 1930–1939 birth cohorts demonstrate the variability of reproductive behavior depending on personal religiosity. However, women from 1940–1969 birth cohorts follow the same two-child ideal scenario.

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2020-928).

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-928).

The survival analysis revealed that we could expect the spread of childlessness both among Orthodox Christians and especially among non-believers. Our results also demonstrate a weak effect of personal high religiosity on the chances of women from the 1980–1989 birth cohorts becoming mothers for three or more children.

Keywords: Orthodoxy, Islam, religiousness, fertility, large families, childlessness, GGS survey, Person, Family and Society survey.

Введение

БЫСТРОЕ снижение рождаемости до уровня простого замещения поколений, начавшееся в развитых промышленных странах в XIX веке и далее продолжившееся в XX веке в развивающихся странах, объясняется учеными в рамках теории Первого демографического перехода. Согласно этой теории, такое резкое снижение рождаемости является следствием адаптации режима воспроизводства населения к снижению смертности и, в первую очередь, к беспрецедентному улучшению выживаемости детей. После того как новое равновесие в уровнях рождаемости и смертности будет достигнуто, падение рождаемости прекратится и ее уровень установится на уровне, необходимом для простого воспроизводства поколений¹. К моменту окончания Первого демографического перехода в Европе 1960-х ожидалось, что рождаемость установится на уровне, примерно равном 2 ребенка на женщину, семьи будут нуклеарными и основанными на браке, а число детей в каждой семье будет определяться финансовыми и временными возможностями родителей². Эти предположения поддерживались результатами замеров общественного мнения, получивших распространение в то время.

Однако развернувшиеся в 1960-е годы в Европе три революции — сексуальная, контрацептивная и гендерная — привели к достаточно неожиданным и фундаментальным изменениям в демографическом поведении жителей европейских стран, так же как и россиян. Появление и широкое распространение высокоэффективных методов контрацепции, пересмотр гендерного

1. Вишнеvский А. Г. Глобальные детерминанты низкой рождаемости // Синергетика. Будущее мира и России. Под ред. Г. Г. Малинецкого. Изд. ЛКИ, 2008. С. 71–91.
2. Lesthaeghe, R. (2014) “The Second Demographic Transition: A Concise Overview Of Its Development”, *Proceedings of National Academy of Sciences of the USA (PNA)* 111(51): 18112–18115.

разделения труда и отход от модели мужчины — единственного кормильца семьи сделали возможным отделение друг от друга трех основных видов демографического поведения: брачного, сексуального и репродуктивного. Подобная трансформация поведения объясняется в рамках теории Второго демографического перехода и связывается в странах Южной, Западной и Северной Европы со снижением роли церкви и государства, ослаблением влияния патернализма родственно-кланового окружения и усилением личной свободы выбора в том числе в вопросах создания семьи и рождения детей³. Согласно теории Второго демографического перехода, рождение ребенка или нескольких детей — это один из жизненных сценариев, результат личного выбора индивида, сделанного исходя из собственных желаний в конкретных жизненных обстоятельствах, который делается с меньшей, чем прежде, опорой на мнения окружающих.

Первые признаки начала Второго демографического перехода в России обнаружили себя к концу 1980-х гг. К этому моменту доля неверующих среди населения по опросам достигала порядка 70%⁴. Напомним, что в советской России на протяжении всей истории в государственной политике активно поддерживался атеизм, и в проведении ее были задействованы практически все легально действующие социальные институты, кроме собственно самой церкви. Можно сказать, что религия для большинства граждан, в первую очередь социализировавшихся в советский период, не играла сколько-нибудь значимой роли при принятии решений, связанных с созданием семьи и рождением детей. Отметим, что советская власть, за исключением короткого периода в 1920-е — середине 1930-х гг., была ориентирована пронаталистски⁵. Принятые в 1944 году законы, ограничившие вплоть до 1968 года возможность развода и запрещавшие регистрацию совместного ребенка неженатыми парами⁶, а также введенный налог на без-

3. Lesthaeghe, R. (2010) “The Unfolding Story of the Second Demographic Transition”, *Population and Development Review* 36(2): 211–251.
4. Общественное мнение — 2020. М.: Левада-Центр, 2021.
5. Тольц М. С. От абортного термидора к законодательному либерализму: политика в области брачно-семейных отношений как зеркало истории СССР // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А. Я. Кваши. Сб. статей. / Под ред. М. Б. Денисенко, В. В. Елизарова. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 157–169; Zakharov, S. (2018) “Family Policy”, in I. Studin (ed.) *Russia: Strategy, Policy, Administration*, pp. 319–330. L.: Palgrave Macmillan UK.
6. Тольц М. С. От абортного термидора к законодательному либерализму: политика в области брачно-семейных отношений как зеркало истории СССР.

детность⁷ давали для населения четкий сигнал, что советская семья должна состоять в крепком браке и иметь детей. В действительности, для поколений женщин, рожденных в 1920–1960 гг. наблюдался довольно низкий уровень окончательного безбрачия: порядка 8% и ниже⁸. Однако пронаталистский настрой советской власти не имел сколько-нибудь значимого влияния на рождаемость. Коэффициент суммарной рождаемости (КСР) в России опустился ниже уровня простого воспроизводства в 1967 году — 2,04 рождений на одну женщину, тогда как в этом же году в странах Западной и Южной Европы он составлял 2,5–3,0⁹. Оценки показывают, что итоговая рождаемость в когортах женщин, рожденных после 1911 года, была близкой либо ниже уровня простого воспроизводства¹⁰.

КСР — индикатор периода, показывающий, сколько в среднем детей родит женщина, достигшая 15-летнего возраста в текущем году, при условии сохранения возрастных интенсивностей рождаемости текущего года на протяжении всего репродуктивного периода. После подъема в середине 1980-х до уровня 2,23 ребенка на женщину, КСР в России начал снижаться, достигнув минимума в 1,16 ребенка на женщину в 1999 году. Это снижение рождаемости до сверхнизкого уровня (менее 1,3 ребенка на женщину) в 1990-е годы не только в России, но и в странах Азии, Южной и Восточной Европы вызвало алармистские настроения среди исследователей¹¹ и сильное беспокойство в обществе, доходящее до состояния ажитации среди представителей элит, апеллирующих к политикам с целью принятия неотлож-

7. Barkalov, N. B., Darsky, L. E. (1994) *Russia. Fertility, Contraception, Induced Abortion, Infant and Maternal Mortality*. The Futures Group International.
8. Scherbov, S., Van Vianen, H. (2001) "Marriage and Fertility in Russia of Women Born Between 1900 and 1960: A Cohort Analysis", *European Journal of Population* 17(3): 281–294; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. С. 102–103.
9. Международная база демографических данных Института демографии им. А. Г. Вишневского НИУ ВШЭ [<http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>, доступ от 24.11.2022].
10. Захаров С. В. Демографический переход и воспроизводство поколений в России // Вопросы статистики. 2003. № 11. С. 3–12; Scherbov, S., Van Vianen, H. "Marriage and Fertility in Russia of Women Born Between 1900 and 1960: A Cohort Analysis".
11. Kohler, H.-P., Billari, F. C., Ortega, J. A. (2006) "Low Fertility in Europe: Causes, Implications and Policy Options", in F. R. Harris (ed.) *The Baby Bust: Who Will do the Work? Who Will Pay the Taxes?*, pp. 48–109. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.

ных решений. Однако причина подобного снижения рождаемости лежала в очень быстрой трансформации возрастной модели рождаемости, и в первую очередь в переходе женщин к массовому откладыванию рождения первенцев¹², что нередко бесосновательно интерпретировалось как переход к массовой бездетности. Повышение КСР в 2000-е годы, особенно ставшее заметным после 2007 года, исследователи связывают как с успешным влиянием на рождаемость такой меры государственной поддержки российских семей, как материнский капитал¹³, так и с очередным сокращением интервала между рожденьями соседних порядков, приведшего к росту текущего показателя рождаемости¹⁴. Отметим, что в начале 2010-х произошла активизация региональной политики поддержки семей, в первую очередь выражающаяся во введении региональных материнских капиталов и в политике поддержки многодетных семей¹⁵, совпавшая с имевшейся общей тенденцией повышения рождаемости третьих и последующих детей, которая началась в начале 1990-х гг. и наблюдается до сих пор¹⁶.

Перестройка во второй половине 1980-х и, в частности, провозглашенная политика гласности сняли запреты на обсуждение тем личного характера, а прохладное отношение к религии со стороны государства постепенно сменилось сотрудничеством с религиозными организациями. Кроме того в постсоветский период

12. Sobotka, T. (2014) “Is Lowest-Low Fertility in Europe Explained by the Postponement of Childbearing?”, *Population and Development Review* 30(2): 195–220.
13. Архангельский В. Н. Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 56–64; Рыбаковский Л. Л. Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 62–70.
14. Frejka, T., Zakharov, S. (2013) “The Apparent Failure of Russia’s Pronatalist Family Policy”, *Population and Development Review* 39(4): 635–647; Андреев Е. М., Захаров С. В. Микроперепись-2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // Демоскоп-Weekly. 2017. № 711–712 [<https://publications.hse.ru/articles/203419323>, доступ от 24.11.2022]; Захаров С. В. Тенденции рождаемости в России за последние четыре десятилетия: анализ с учетом вероятности рождения очередного ребенка в условных и реальных поколениях // Население (Naselenie Review). 2019. № 37(1). С. 209–243.
15. Козлов В. А., Казенин К. И. Региональные меры поддержки многодетных детей в РФ // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 18(2). С. 191–206.
16. Захаров С. В. Тенденции рождаемости в России за последние четыре десятилетия: анализ с учетом вероятности рождения очередного ребенка в условных и реальных поколениях; Казенин К. И., Ракша А. И. Динамика рождаемости по регионам РФ в 2018 г.: основные тенденции // Экономическое развитие России. 2019. № 26 (8). С. 71–78.

православная церковь не избежала включения в общий процесс глобализации рыночных отношений, коммерциализации своих услуг на основе современных технологий коммуникации и маркетинга¹⁷. Как итог, с конца 1980-х начался резкий рост доли населения, которые относили себя к православным. Так, по выборочным опросам населения в конце 1980-х около 20% населения России декларировали себя православными, в конце 1990-х уже 45%, а в конце 2000-х — 80%¹⁸. За 30 лет после распада СССР почти в 2 раза возросла и доля тех, кто не испытывает каких-либо сомнений в существовании Бога: с 14% в 1991 году до 35% в 2020 году¹⁹.

Существующие исследования влияния религиозной принадлежности и частоты религиозных практик на итоговое число рожденных детей в странах Европы и США показывают, что католики и протестанты, регулярно посещающие церковь, не только нацелены на рождение большего числа детей²⁰, но и в ряде стран действительно имеют в среднем больше детей, чем неверующие²¹. Поэтому, принимая во внимание увеличение доли верующих в российском населении, раннюю религиозную социализацию, ставшую возможной в 1990-е гг., и увеличивающуюся долю практикующих религиозные обряды среди молодежи²², мы можем предполагать, что влияние религии и религиозной активности на рождаемость в последние два-три десятилетия могло возрасти.

Результаты российских исследований, проведенных в середине 2000-х, показывали, что православное вероисповедание не оказывало в эти годы значимого влияния на вероятность рождения ребенка. В среднем более высокий уровень рождаемо-

17. Gauthier, F. (2022) "Religious Change in Orthodox-Majority Eastern Europe: from Nation-State to Global-Market", *Theory and Society* 51: 177–210.

18. Общественное мнение — 2020. М.: Левада-Центр, 2021.

19. Там же.

20. Philippov, D., Berghammer, C. (2007) "Religion and Fertility Ideals, Intentions and Behaviour: a Comparative Study of European Countries", *Vienna Yearbook for Population Research* 5: 271–305.

21. Там же; Frejka, T., Westoff, C. F. (2008) "Religion, Religiousness and Fertility in the US and in Europe", *European Journal of Population*, 24(1): 5–31; Peri-Rotem, N. (2016) "Religion and Fertility in Western Europe: Trends Across Cohorts in Britain, France and the Netherlands", *European Journal of Population* 32: 231–265.

22. Павлюткин И. В. Динамика религиозности молодежи в России // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2020. № 6(3). С. 153–183.

сти наблюдался только среди исповедующих ислам²³. Кроме того, была выявлена несколько большая доля родивших двух и более детей среди слабо религиозных женщин²⁴. Тем не менее, к началу 2010-х было показано, что у практикующих верующих выше ожидаемое число детей²⁵, и доля многодетных среди воцерковленных православных россиян выше, чем в среднем среди россиян²⁶. Так же, естественный переход к многодетности (практика неконтролируемой на индивидуально-семейном уровне рождаемости — рождение стольких детей, «сколько Бог пошлет») является хотя и не слишком распространенным, но одним из типов перехода к многодетности в современной России²⁷. Однако на макроуровне, а именно на примере групп регионов с высоким и низким уровнями текущей рождаемости не было выявлено влияния религиозности населения на уровень рождаемости²⁸.

В данной работе мы ставим перед собой цель изучить влияние декларируемого вероисповедания и религиозной активности на итоговое число рожденных детей, а также на вероятность многодетности в поколениях российских женщин 1930–1989 гг. рождения. Под вероисповеданием мы понимаем принадлежность индивида к той или иной конфессии или религиозному течению. Так как в Конституции РФ закреплена свобода вероисповедания, вероисповедание человека нигде в официальных документах не фигурирует, оценки вероисповедания фиксируются на основе самоидентификации человека в момент его опроса. Под религиозной активностью мы понимаем личную религиозную активность индивида, выраженную в частоте посещения религиозных служб или церкви по ответам самого индивида.

23. *Малева Т. М., Синявская О. В.* Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // Социальная политика, рекомендации, обзоры (SPERO). 2006. № 5. С. 70–97.

24. Там же.

25. *Синельников А. Б., Медков В. М., Антонов А. И.* Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М.: КДУ, 2009.

26. *Павлюткин И. В.* Значение религии в современной российской рождаемости // Аист на крыше. Демографический журнал. 2017. № 4. С. 34–37.

27. *Павлюткин И. В., Голева М. А.* Как создаются семьи с большим числом детей: типы жизненных переходов родителей // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 106–117.

28. *Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю.* Рождаемость и религиозность в России: оценка взаимосвязи // Logos et Praxis. 2019. № 18(1). С. 104–115.

В данном определении не учитывается приверженность индивида соблюдению поста (временного добровольного самоограничения в пище) или различных религиозных обрядов (например, таинств крещения, причастия, исповеди, венчания). Исходя из характера используемых данных (социологический опрос), главное ограничение нашего исследования состоит в том, что декларируемая респондентом религиозная принадлежность и частота посещения религиозных учреждений могут изменяться несколько раз в жизни, а личная религиозная активность — усиливаться или ослабляться. Кроме того, для части женщин временной разрыв между рождением детей и опросом составляет десятки лет. Тем не менее, мы полагаем, что наша работа позволит заполнить собой лакуну в отечественных исследованиях о вероисповедании и личной религиозности как детерминантах репродуктивного поведения.

Данные

Наши расчеты основаны на данных двух крупных репрезентативных для населения России, в целом выборочных обследований «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» и «Человек, семья и общество».

Исследование «*Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*» (РиДМиЖ) является частью международного исследовательского проекта сравнительных исследований *Generations and Gender Programme* / «Программа поколения и гендер». Координатором проекта выступала Европейская экономическая комиссия ООН при поддержке международного консорциума научно-исследовательских центров. В России были проведены три волны опроса с панельной составляющей в 2004, 2007 и 2011 гг. Независимым институтом социальной политики в сотрудничестве с Независимой исследовательской группой «Демоскоп» и Центром лонгитюдных обследований НИУ ВШЭ при финансовой поддержке Пенсионного фонда РФ, Института демографических исследований Макса Планка (Росток, Германия), Сбербанка России, благотворительного Фонда «Виктория» и Фонда народонаселения ООН. В нашем исследовании мы используем первую волну обследования, в ходе которого в 2004 году было опрошено с помощью личного интервью более 11 тыс. респондентов обо-его пола в возрасте 18 лет и старше, родившихся в 1923–1986 гг., представляющих городское и сельское население 32 субъектов

Российской Федерации, включая Москву и С.-Петербург²⁹. Мы использовали данные только первой волны исследования ввиду того, что вопросы про религиозное исповедание и частоту посещения религиозных учреждений во второй и третьей волнах исследования не задавались.

Исследование «Человек, семья, общество» (ЧСО) является репрезентативным социологическим опросом взрослого населения России. Проведение трех волн данного исследования в 2013, 2015 и 2017 гг. координировалось Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. Для достижения целей нашего исследования мы приняли решение использовать данные третьей волны исследования, проведенной в 2017 году. Данный опрос охватил все федеральные округа и регионы Российской Федерации³⁰. Сбор данных осуществлялся с помощью телефонных интервью. Всего было опрошено 9604 человека старше 18 лет, родившихся в 1944–1999 гг.

Исследование РидМиЖ-2004 позволяло нам получить информацию о среднем числе когда-либо рожденных детей у женщин 1923–1986 годов рождения. Так как женщины, родившиеся в 1920-е годы, на момент исследования имели возраст от 75 лет до 81 года, мы приняли решение не включать их в анализ в связи с возможной селекцией респондентов и тем, что в таком возрасте респонденты могут забывать события своей жизни, путать их даты и очередность. Из исследования РидМиЖ-2004 мы приняли решение воспользоваться данными женщин, родившихся с 1930 года по 1959 год. Когорты начиная с 1960 года рождения мы анализировали, опираясь на данные ЧСО-2017. Это связано с тем, что на момент опроса в 2004 году были близки к фактическому завершению деторождения только женщины из поколений 1960–1964 годов рождения: им на момент опроса было от 40 до 44 лет. Остальные же были значительно младше, а по-

29. Подробнее о методологии см.: Захаров С. В., Малева Т. М., Синявская О. В. Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып. 1. / Научн. ред.: Т. М. Малева, О. В. Синявская. М.: НИСП, 2007. С. 35–74.

30. Подробнее о методологии см.: Вырская М. С., Макаренцева А. О. Методическое представление общероссийского опроса «Человек, семья, общество». М.: ИНСАП РАНХ и ГС, 2017 [https://social.ranepa.ru/tsentry-i-institut/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognirovaniya/issledovaniya/86-chelovek-semya-obshchestvo-2017/48-reports-presentations/raw-data?function=downloadFile&file_id=DjF13Utk, доступ от 24.11.2022].

коления женщин 1980–1986 годов рождения только начинали свою репродуктивную карьеру. К 2017 году, то есть к моменту проведения исследования ЧСО, репродуктивный период женщин, родившихся в 1960-е гг., полностью завершился, а репродуктивный период женщин из поколений 1970-х гг. был близок к окончанию.

В исследовании ЧСО содержатся данные для женщин, родившихся в 1980-е гг. Мы их также использовали с целью посмотреть достигнутое среднее число рождений, исходя из гипотезы, что в случае существенного влияния религиозной активности на рождаемость различия в среднем числе когда-либо рожденных детей будут видны уже в возрасте 28–37 лет. Отметим, что предварительный анализ данных показал, что средние числа когда-либо рожденных детей в зависимости от вероисповедания и религиозной активности по данным РидМиЖ и ЧСО для поколений 1940-х и 1950-х годов рождения практически идентичны, поэтому подобное объединение данных из разных массивов никак не повлияет на результаты.

Для анализа влияния вероисповедания респондента на рождаемость мы использовали вопрос о том, какую религию исповедует респондент. В РидМиЖ-2004 вопрос о вероисповедании задавался следующим образом: *«Какую веру вы исповедуете, если вы религиозны?»*. Респонденту предлагалось выбрать из вариантов ответа «православие», «ислам», «другую религию (укажите, какую именно)», «никакую религию». В ЧСО-2017 была использована последовательность из двух вопросов. Первый: *«Считаете ли вы себя верующим человеком? (Варианты ответа «да», «нет», «затрудняюсь ответить».)* Если респондент указывал, что он считает себя верующим, то ему задавался второй вопрос: *«К какому вероисповеданию вы себя относите?»*. При ответе на этот вопрос респондент мог выбрать из вариантов: *«к православию», «к другим христианским конфессиям (католики, протестанты, баптисты и др.)», «исламу»* или *«к какой-либо другой религии (укажите, к какой именно)»*. Таким образом, к неверующим при анализе данных РидМиЖ-2004 были отнесены те респонденты, которые указали, что никакую религию они не исповедуют, а при анализе данных ЧСО-2017 — те респонденты, которые ответили «нет» на вопрос, считают ли они себя верующими.

Распределение ответов на вопрос о религиозной принадлежности (таблица 1) показало, что число респондентов-представи-

телей других религий недостаточно для их анализа по поколениям, поэтому было принято решение анализировать респондентов, указавших на свою принадлежность к православию, исламу или неверующих.

Таблица 1. Число респондентов (женщин) в зависимости от года рождения и религиозной принадлежности

Исследование	Годы рождения	Православие	Ислам	Другая религия	Неверующие	Всего
РиД-МиЖ-2004	1930–1939	945	32	14	122	1113
	1940–1949	758	38	10	138	944
	1950–1959	1179	69	15	229	1492
ЧСО-2017	1960–1969	747	58	32	209	1046
	1970–1979	690	51	21	181	943
	1980–1989	701	56	41	159	957

Для анализа влияния религиозной активности на рождаемость мы использовали вопрос о частоте посещения религиозных служб или учреждений. Отметим, что число респондентов-мусульман в каждом из поколений является достаточным для анализа среднего числа когда-либо рожденных детей (таблица 1). Однако мы не стали включать респондентов-мусульман в анализ влияния степени религиозности на число когда-либо рожденных детей: вопрос о частоте посещения мечети не может точно отражать степень религиозности женщин-мусульманок, так как ислам, несмотря на отсутствие явного канонического запрета, накладывает ограничения на женщин в посещении мечети, особенно с учетом возраста, состояния в браке и цикличности менструального статуса³¹.

Итак, в РиДМиЖ-2004 формулировка вопроса была следующей: «Как часто вы посещаете религиозные службы, если вообще их посещаете, не считая посещения религиозных свадебных обрядов, религиозных обрядов, связанных с рождением ребенка, и т.п.?». Респонденту предлагалось указать частоту посещений в неделю или в месяц, или в год, или выбрать вари-

31. См. детальное исследование исламской идеологии и практики в отношении молитв женщин-мусульманок: Katz, M. H. (2013) *Prayer in Islamic Thought and Practice*, pp. 177–209. Cambridge University Press. New York.

ант «никогда». В ЧСО-2017 вопрос был сформулирован следующим образом «Как часто вы обычно посещаете храм (церковь, мечеть)?». Респондентам предлагалось выбрать из следующих вариантов ответа «почти никогда (или реже одного раза в год)», «один-два раза в год», «несколько раз в год, но реже, чем раз в месяц», «раз или несколько в месяц» или «раз в неделю и чаще».

На основании ответов респондентов на данные вопросы мы выделили 4 категории в зависимости от принадлежности к православию и частоты посещения религиозных служб/церкви.

1. *Активные верующие*: декларируют принадлежность к православию, посещают религиозные службы/церковь 1 раз в месяц или чаще.
2. *Умеренные верующие*: декларируют принадлежность к православию, посещают религиозные службы/церковь реже 1 раза в месяц, но чаще, чем 2 раза в год.
3. *Номинальные верующие*: декларируют принадлежность к религии, не посещают церковь/службы или посещают 1–2 раза в год в основные праздники.
4. *Неверующие*: не считают себя верующими людьми.

Таблица 2. Распределение респондентов в зависимости от принадлежности к православию и частоты посещения церкви или религиозных служб, %

Исследование	Годы рождения	Активные верующие	Умеренные верующие	Номинальные верующие	Неверующие
РиД- МиЖ-2004	1930–1939	17,1	18,9	52,5	11,4
	1940–1949	14,3	24,3	46,0	15,4
	1950–1959	14,0	19,6	50,2	16,3
	1960–1969	16,1	29,2	32,8	21,9
ЧСО-2017	1970–1979	16,9	31,8	30,3	20,9
	1980–1989	16,3	28,4	37,3	18,1

Используемые нами данные имеют следующие ограничения. Во-первых, как и в большинстве аналогичных работ, мы измеряем религиозность с помощью индикатора частоты и интенсивности посещения религиозных служб или церкви. Использование этого индикатора обладает тем недостатком, что он предполагает, что чем чаще человек посещает религиозные службы или церковь, тем выше степень его религиозности и сильнее вера. Однако через этот вопрос нельзя выявить категорию части активно или умеренно верующих, не посещающих церковь по тем или иным причинам³². Второе ограничение связано с измерением религиозной самоидентификации и частоты религиозных практик на момент опроса. Выраженность религиозности и частота посещения религиозных учреждений могут изменяться несколько раз в жизни, усиливаться или ослабляться. Кроме того, часть исследуемых нами поколений женщин начали свою репродуктивную карьеру еще во времена существования СССР, тогда, когда на верхнем уровне власти — в коммунистической партии и государственных институтах, в первую очередь в образовании и в деятельности общественных объединений — активно поддерживался атеизм. Тем не менее, мы предполагаем, что случаи резкого перехода из категории «неверующих» в категорию «сильно верующих» крайне редки. Третье ограничение связано непосредственно с использованием данных двух разных исследований. Хотя оба считаются репрезентирующими взрослое население России, их методология отличается. В РИДМИЖ опрос респондентов проводился с помощью личных интервью, а в ЧСО был использован телефонный опрос, что обеспечило попадание в число респондентов некоторого числа представителей так называемого институционального населения (проживающие при монастырях, в общежитиях и т. д.). Четвертое ограничение связано с чувствительностью вопроса о религиозной самоидентификации и частоте посещения религиозных служб и церкви. В действительности мы достоверно не знаем, в какой степени россияне готовы откровенно говорить с незнакомыми (интервьюерами) о том, какую концепцию о мире они разделяют: религиозную или, напротив, агностическую или атеистическую.

32. Маркин К. В. Между верой и неверием: непрактикующие православные в контексте российской социологии религии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 274–290.

Результаты

Вероисповедание и рождаемость

На рис. 1 представлены средние числа когда-либо рожденных детей на 1 женщину в зависимости от указанного вероисповедания и когорты рождения женщины. Итоговая рождаемость женщин из поколений 1930–1939 гг. рождения ниже уровня естественного воспроизводства населения независимо от их вероисповедания. Однако среди женщин из поколений 1940–1969 гг. рождения мусульманки в среднем родили больше детей. В когортах 1940-х и 1960-х гг. рождения среднее итоговое число рожденных детей у них практически совпадает с уровнем простого воспроизводства. В поколении мусульманок 1950-х гг. рождения показатель рождаемости равен 2 и на 0,2 выше, чем у православных, и на 0,3 выше, чем у неверующих. Отметим, что когорта женщин 1950-х гг. рождения оказалась самой однородной по репродуктивному поведению.

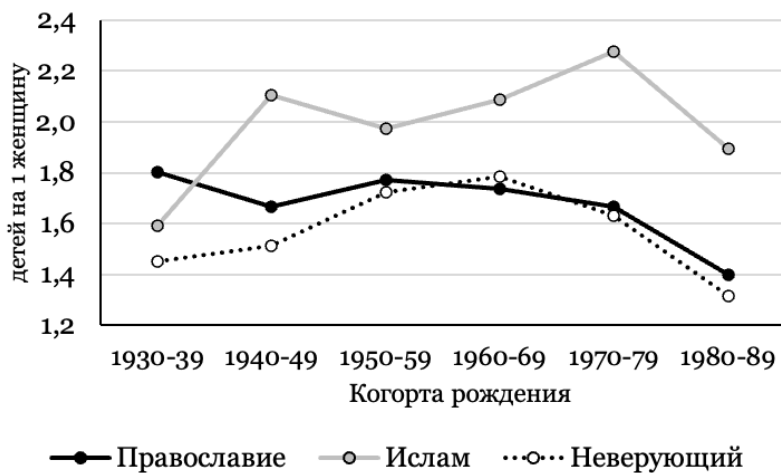

Рис. 1. Среднее число когда-либо рожденных детей в зависимости от указанного вероисповедания, Россия, когорты женщин 1930–1989 г. р.

Для когорт женщин 1970–1989 гг. рождения мы будем говорить об уже достигнутом среднем числе рожденных детей. И этот показатель, как уже было отмечено, выше среди мусульманок. Несмотря на то, что женщины из поколений 1970-х гг. рождения только

начинают завершать свою репродуктивную карьеру, уже очевидно, что итоговое число рожденных детей у мусульманок превысит 2,3 ребенка на женщину, а у православных и неверующих составит порядка 1,6–1,7 ребенка на женщину. Возраст женщин, родившихся в 1980-е, на момент опроса (2017 г.) составлял 28–37 лет. Можно сказать, что они были тогда «на пике репродуктивной карьеры». Для них мы можем ожидать в дальнейшем существенного роста кумулятивной рождаемости по сравнению со средним числом уже рожденных детей к моменту опроса. Тем не менее, очевидно, что рождаемость среди мусульманок и для этой когорты уже на 0,5 ребенка выше (рис. 2). Вероятно, к концу репродуктивного периода итоговая рождаемость среди православных и неверующих возрастет до 1,6–1,7 (как это наблюдалось у их матерей — женщин 1950–1969 гг. рождения), а итоговая рождаемость мусульманок будет близка к значению 2,1 либо немного выше, также приближаясь к уровню рождаемости своих матерей.

Личная религиозная активность православных и рождаемость

На рис. 2 показаны средние числа когда-либо рожденных детей у женщин из поколений 1930–1989 годов рождения в зависимости от их религиозной активности. Среднее накопленное число рождений ни у одной из рассмотренных групп по религиозной активности не превышает в среднем 2 рождений на женщину. Следовательно, мы можем утверждать, что рождаемость среди них всех находится на довольно низком уровне. Однако мы также можем наблюдать постепенное снижение вариативности рождаемости в зависимости от религиозной активности (в рамках низкой рождаемости) при переходе от когорт 1930-х к когортам 1970-х годов рождения.

Наибольший разрыв в среднем накопленном числе рождений наблюдается у женщин из поколений 1930-х годов рождения. Именно в этих поколениях у номинально верующих православных женщин наблюдается рождаемость, близкая к 1,9 ребенка на женщину, у активных верующих — 1,81 ребенка на женщину, в то время как у неверующих она максимально низка и составляет 1,45 ребенка на женщину. В когортах женщин 1940-х и 1950-х годов рождения накопленное число рождений по-прежнему наиболее высоко у номинально верующих и составляет 1,75 и 1,82 ребенка на женщину соответственно. Наименьшую рождаемость в когорте 1940-х демонстрируют одинаково как неверующие женщины, так

и религиозно активные: среднее число когда-либо рожденных детей среди них на 0,2 ребенка ниже. В когортах 1950-х и 1960-х годов рождения разрыв в рождаемости женщин с разной степенью религиозной активности снижается до 0,14 ребенка на женщину.

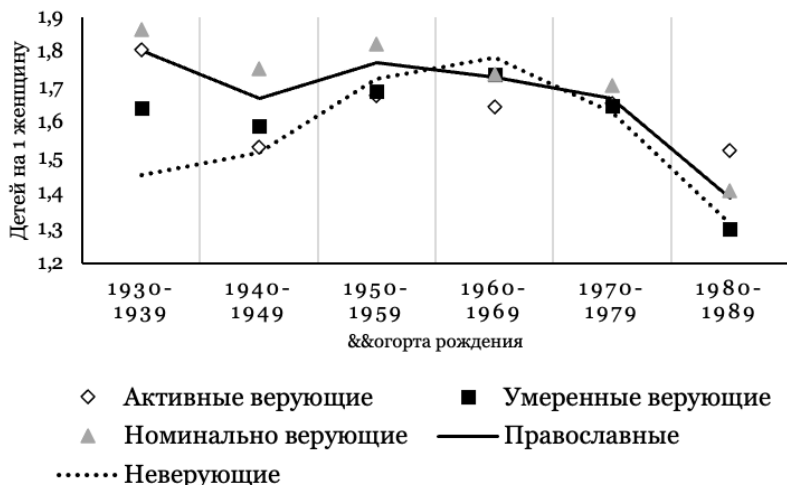

Рис. 2. Среднее число когда-либо рожденных детей в зависимости от религиозной активности (православные и неверующие), Россия, когорты женщин 1930–1989 г. р.

В отношении женщин 1970-х годов рождения мы уже можем говорить о фактически завершенном репродуктивном периоде на момент проведения опросов. Так, для российских женщин 1970–1974 г. р., по данным *Human Fertility Database*, итоговая рождаемость равна 1,6³³. Так как мы рассматриваем 10-летние когорты, то их итоговая рождаемость может быть несколько выше за счет рождений у женщин в возрасте 38–43 лет (у женщин из когорт 1975–1979 годов рождения). Таким образом, мы можем констатировать, что у православных женщин разной степени религиозности и у неверующих рождаемость не отличается от среднероссийской. Кроме того, для женщин из этих поколений мы можем наблюдать наименьший разрыв в среднем числе рожденных детей между православными различной степени религиозности и неверующими. Речь идет о разности в 0,08 ребенка на женщину между рождае-

33. Human Fertility Database. Completed cohort fertility [<https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>, accessed on 24.11.2022].

мостью у номинальных верующих (1,71 ребенка на женщину) и рождаемостью у неверующих (0,63 ребенка на женщину).

Как было сказано ранее, репродуктивный период женщин из поколений 1980-х гг. еще не окончен. Однако мы можем судить о возможных различиях на основании уже достигнутого числа рождений. Так, среднее число уже рожденных детей у активных верующих составляет 1,52 ребенка на женщину. Этот показатель на 0,11 ребенка выше, чем для номинальных верующих и на 0,22 выше, чем для рядовых верующих или неверующих (рис. 2). На основании этих данных мы не можем делать никаких предположений о возможной итоговой рождаемости, но, вероятно, между анализируемыми группами как минимум наблюдаются отличия в календаре рождений.

Детность и бездетность среди верующих и неверующих

Коэффициент суммарной рождаемости (КСР), впрочем, как и показатель итоговой рождаемости когорты, показывает среднее число детей на 1 женщину. Однако исходя из значения КСР или коэффициента итоговой рождаемости мы можем узнать тип воспроизводства населения, но не структуру семей по числу рожденных детей. Вариация рождаемости, пусть и в пределах ее низкого уровня от одного до двух детей на женщину, может обуславливаться долей бездетных и долей рождений высоких порядков (третьи и последующие рождения)³⁴.

На рис. 3 показано распределение женщин по числу рожденных детей в зависимости от степени религиозности женщин. Для когорты женщин 1930–1939 годов рождения характерна большая вариация сценариев рождаемости в зависимости от их религиозности. Так, среди неверующих женщин 13% остались бездетными, 44% предпочли родить только одного ребенка, 34% — двух детей и только 8% — троих и больше. Две другие группы — активные верующие и номинальные верующие — демонстрируют противоположный тип репродуктивного поведения. Доля бездетных среди них в два раза ниже, и большинство из них родили двоих детей. Кроме того, 21% номинально верующих женщин родили трех и более детей. Среди активных верующих доля таковых — 16%. Третий репродуктивный сценарий мы можем наблюдать у умеренных верующих: они не от-

34. Иванов С. Новое лицо брака в развитых странах // Демоскоп-weekly. 2002. № 67–68 [<http://www.demoscope.ru/weekly/2002/067/tema06.php>, доступ от 24.11.2022].

личаются от активных верующих по доле окончательно бездетных и доле многодетных. Однако среди них рождение одного ребенка встречается с такой же частотой, как и рождение двух детей.

В когорте женщин 1940–1949 годов рождения мы уже видим, как начинают сближаться типы репродуктивного поведения и начинает доминировать двухдетная модель семьи. В когорте женщин 1950-х годов двухдетная модель семьи, вероятно, находится на пике своей распространенности. Имеются лишь минимальные отличия в репродуктивных сценариях: среди неверующих и номинально верующих чуть меньше доля однодетных, и на 5–7% больше доля многодетных по сравнению с умеренными и активными православными. Видимо, именно этими минимальными отличиями обусловлена и небольшая дифференциация показателя накопленной рождаемости в этой когорте (см. рис. 2).

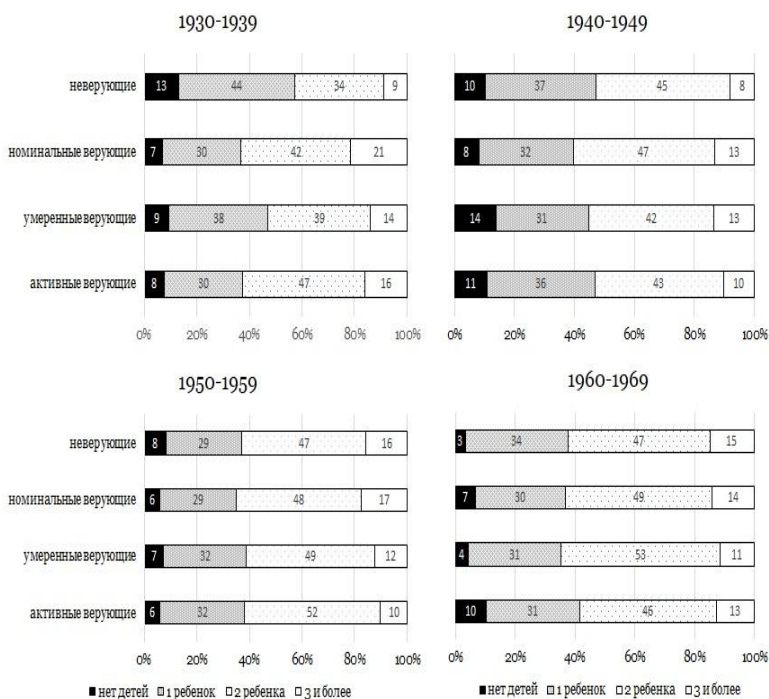

Рис. 3. Распределение женщин по числу когда-либо рожденных детей в зависимости от религиозности: Россия, когорты 1930–1969 г. р., %

В когорте женщин 1960–1969 годов рождения наблюдается очень низкая доля окончательно бездетных женщин среди неверующих и умеренно верующих: 3,5 и 4,4% соответственно. Вероятно, такая низкая бездетность может быть связана с тем, что к началу 1980-х сильно снизился возраст сексуального дебюта, что в условиях ограниченного доступа к эффективным методам контрацепции часто приводило к наступлению внебрачной беременности. Негативное отношение к абортam среди первобеременных и общественное давление об обязательности рождения хотя бы одного ребенка выражались в стимулированных браках. Так, в 1981 году в типичном советском городе Перми половина рожденных первых детей были зачаты до официальной регистрации брака³⁵. Поэтому можно предположить, что десять процентов окончательно бездетных женщин среди активных православных есть результат неприятия добрачных половых связей. С другой стороны, известно, что переход к более высокой религиозности на индивидуальном уровне может быть связан с проблемами со здоровьем, с беспомощностью в поисках партнера и бесплодием. Как отмечают исследователи, в посткоммунистических странах Восточной Европы и Азии религиозность не коррелирует с качеством здоровья, в отличие, скажем, от США³⁶. Как предположил Р. Инглхарт, в этих странах резко расширившаяся зона экономического неблагополучия, снижение социальной поддержки населения и в целом низкий уровень «счастья» являются факторами, увеличивающими вероятность обращения индивида к религии³⁷.

Для оценки различий в репродуктивном поведении когорт 1970–1989 года рождения мы использовали анализ вероятности наступления событий, а именно построили таблицы, позволяющие оценить долю бездетных к указанному возрасту с учетом цензурированных данных. Представленные на рис. 4 доли бездетных в зависимости от возраста и религиозной активности иллюстрируют идущий уже три десятилетия процесс откладывания рождения первого ребенка. Откладывание начала деторождения, так же

35. Тольц М., Антонова О., Андреев Е. Рождения вследствие внебрачных зачатий // Демоскоп-weekly. 2006. № 229–230. [<http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0229/tema01.php>, доступ от 24.11.2022].

36. Zimmer, Z., Rojo, F., Ofstedal, V. B., Chiu, C.-T., Saito, Y., Jagger, C. (2019) *Religiosity and Health: A Global Comparative Study*. SSM — Population Health, Vol. 7.

37. Inglehart, R. F. (2010) "Faith and Freedom: Traditional and Modern Ways to Happiness", in E. Diener, J. F. Helliwell, D. Kahneman (eds) *International Differences in Well-Being*, pp. 351–397. New York: Oxford University Press.

как явный по сравнению с когортой 1960–1969 гг. рост бездетности, наблюдается как среди православных женщин, так и среди неверующих. При этом, если наибольшая доля бездетных в когорте 1970-х среди активных верующих может объясняться сложностями поиска партнера с такой же религиозной активностью, то в когорте женщин 1980-х г. р. бездетность в большей степени будет выражена у неверующих.

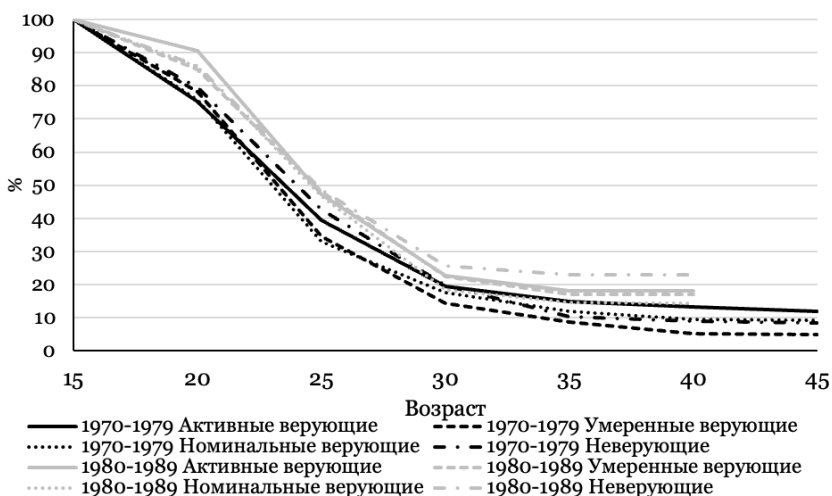

Рис. 4. Доля бездетных женщин к указанному возрасту в зависимости от когорты и религиозной активности (Россия, %)

Является ли религиозность фактором многодетности?

Одной из наших задач было выявить, является ли личная религиозность фактором многодетности. В предыдущем разделе мы показали, что высокая доля многодетных наблюдалась среди активных верующих и номинальных верующих только у женщин из поколений 1930-х годов рождения. Поколения 1940–1969 годов рождения придерживались модели двухдетной семьи. Анализ, проведенный с помощью логистической регрессии, показал, что уровень личной религиозности не оказывала статистически значимого влияния на шансы женщин из когорты 1960–1979 г. р. стать многодетными матерями (табл. 3). Однако мы зафиксировали слабое с точки зрения статистической значимости влияние личной высокой религиозной активности на шансы многодетности для женщин из поколений 1980-х г. р.

Среди женщин из поколений 1960-х г. р. больше шансов стать многодетными имели женщины со средним и ниже среднего образованием и проживающими в сельской местности. В когорте женщин 1970-х годов рождения помимо влияния места жительства и низкого образования прослеживается положительное влияние на многодетность среднего профессионального образования, а также состояния в браке. Состоящие в первом непрерывном браке имеют почти в 2 раза больше шансов стать многодетными матерями по сравнению с не состоящими в брачно-партнерском союзе, а состоящие в повторном браке имеют в 3,2 раза большие шансы иметь в семье трех и более детей, чем аналогичная референтная группа.

Таблица 3. Оценка соотношений шансов ($\exp[B]$) многодетности

Переменная	1960–1969	1970–1979	1980–1989
<i>Религиозность</i>			
Неверующие	реф.	реф.	реф.
Активные верующие	0,876	0,938	2,119*
Умеренные верующие	0,789	0,788	0,733
Номинальные верующие	0,860	1,048	0,973
<i>Состояние в браке</i>			
Нет партнера	реф.	реф.	реф.
Первый брак	0,897	1,969**	1,605
Повторный брак	1,633	3,170***	3,901***
Сожительство	1,522	1,605	1,358
<i>Образование</i>			
Высшее	реф.	реф.	реф.
Среднее или ниже	2,517***	2,547***	6,726***
Среднее профессиональное	1,089	1,666**	4,489***
<i>Место жительства</i>			
Село	реф.	реф.	реф.
Город	0,645**	0,538***	0,748

Примечания:

*коэффициенты статистически значимы при $p < 0,1$

** коэффициенты статистически значимы при $p < 0,05$;

***коэффициенты статистически значимы при $p < 0,01$;

Отличие когорты женщин 1980–1989 годов рождения от предыдущих когорт состоит в том, что для них многодетность перестает ассоциироваться с проживанием в сельской местности. Также пропадает влияние первого непрерывного брака. Шансы женщин, состоящих в повторном браке на рождение 3 и более детей почти в 4 раза выше, чем для не состоящих в брачно-партнерском союзе. Довольно выраженным остается и эффект образования.

Дискуссия и выводы

В настоящей работе мы проанализировали накопленную рождаемость среди женщин из когорт 1930–1989 г. р., относящих себя к православным, мусульманкам и неверующим. Мы выявили, что среднее накопленное число рожденных детей среди мусульманок во всех когортах, кроме когорты 1930–1939 годов рождения, выше либо близко к уровню простого воспроизводства. Среднее число рожденных детей среди православных и неверующих женщин на протяжении нескольких поколений остается низким.

Опираясь на вопрос о частоте посещения религиозных служб и церкви, мы выявили, что ни одна из групп православных женщин по религиозности не имела рождаемость выше 2 детей на женщину. Однако среди женских когорт 1930–1959 г. р. ближе всего к уровню простого воспроизводства была рождаемость среди номинальных верующих, что объясняется высокой долей многодетных семей в этой категории православных. Женские когорты 1960–1979 годов рождения отличаются наименьшей вариацией среднего накопленного числа рождений и сценариев рождаемости в зависимости от религиозности. Однако мы видим, что у женщин, родившихся в 1980-е, среднее число когда-либо рожденных детей несколько выше среди активных верующих. На основании полученных результатов для данной когорты мы видим не только тайминговый сдвиг, выраженный в откладывании рождения первенца, но и ожидаем большую долю окончательно бездетных среди как верующих, так и особенно среди неверующих.

Полученные нами величины итоговой рождаемости согласуются с данными многочисленных исследований социальных норм детности и ожидаемой рождаемости, которые давно показывают остающийся стабильным во времени для россиян идеал двухдет-

ной семьи³⁸. Отметим, что последние исследования фиксируют рост доли населения, ориентированного на бездетность, существенное снижение доли населения, ориентированного на рождение двоих детей, и небольшое увеличение доли планирующих родить трех и более детей³⁹. Наши результаты подтверждают, что россиянки реализуют эти декларируемые ими намерения. Подобная дифференциация семей по числу детей давно наблюдается в развитых странах⁴⁰. В последнее двадцатилетие мы наблюдаем процесс сближения России с другими странами — доля окончательно бездетных и женщин с тремя-четырьмя детьми повышается. Распределение женщин по числу рожденных детей в России становится более равновероятным. Так или иначе среднее число рожденных детей на уровне населения сегодня складывается в результате реализации более вариабельных, чем прежде, репродуктивных стратегий, фиксируемых на уровне отдельных социальных, этнокультурных, территориальных и профессиональных групп.

Результат, показывающий низкую распространенность многодетности среди умеренных и активных верующих в когортах 1940–1969 годов рождения не является неожиданным. Те женщины, которые родились, воспитывались и создавали семью в советское время, были вынуждены ориентироваться на распространенные в то время нормы: раннее создание семьи и последующее за ним рождение хотя бы одного ребенка, в идеале — двух. Женщины из поколений 1960-х и 1970-х, вероятно, ориентировались при принятии решения о числе детей на своих матерей. Ожидается, что именно поколение 1980-х будет демонстрировать большую вариативность репродуктивного поведения; и, действительно, именно в этом поколении мы наблюдаем пусть и небольшое,

38. Дарский Л. Е. Ожидаемое число детей у женщин разных национальностей и перспективы рождаемости в населении бывшего СССР // Демоскоп-weekly. 2005. № 191–192 [<http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0191/nauka02.php>, доступ от 24.11.2022]; Чурилова Е. В., Захаров С. В. Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. № 3–4. С. 69–89.

39. Там же.

40. См., например: Bosveld, W. (1996) *The Ageing of Fertility in Europe. A Comparative Demographic-Analytic Study*. Amsterdam: Thesis Publishers; UN. Department of Economic and Social Development (1992) *Patterns of Fertility in Low-Fertility Settings. ST/ESA/SER.A/131*. New York: UN; Frejka, T. (2008) "Parity Distribution and Completed Family Size in Europe: Incipient Decline of The Two-Child Family Model?", *Demographic Research* 19(4): 47–72.

но влияние личной активной религиозности на шансы стать многодетной матерью.

В заключение отметим, что нормы Русской Православной церкви не предполагают того, что православная семья обязательно должна быть многодетной. Согласно «Основам социальной концепции Русской православной церкви»⁴¹, РПЦ прямо выступает против абортот и против использования «противозачаточных средств, обладающих абортотивным эффектом», так же как осуждает сознательное решение отказаться от рождения детей. Однако согласно этому же документу «супруги несут ответственность перед Богом за полноценное воспитание детей», что фактически означает, что супружеские пары могут регулировать число детей с помощью воздержания или других неабортотивных методов контроля рождаемости, хотя в явном виде официальная точка зрения РПЦ по поводу планирования семьи и допустимости тех или иных методов контрацепции не выражена ни в документах, ни в высказываниях Патриарха. Таким образом, православная церковь прямо не предписывает своим прихожанам непременно иметь многодетную семью и рожать столько детей, «сколько Бог пошлет». Однако можно ожидать, что в современной России практикующие верующие среди молодежи будут готовы родить большее число детей, по сравнению с верующими, не отличающимися религиозной активностью. Впрочем, вклад этих групп в общую рождаемость только предстоит оценить через одно-два десятилетия.

Библиография / References

- Андреев Е. М., Захаров С. В. Микрореперись-2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // Демоскоп-Weekly. 2017. № 711–712 [<https://publications.hse.ru/articles/203419323>, доступ от 24.11.2022].
- Архангельский В. Н. Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 56–64.
- Вшинецкий А. Г. Глобальные детерминанты низкой рождаемости // Синергетика. Будущее мира и России. Под ред. Г. Г. Малинецкого. Изд. ЛКИ, 2008. С. 71–91.
- Вырская М. С., Макаренцева А. О. Методическое представление общероссийского опроса «Человек, семья, общество». М.: ИНСАП РАНХ и ГС, 2017 [https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/86-chelovek-semya-obshchestvo-2017/48-reports-presentations/raw-data?function=downloadFile&file_id=Djfl3Utk, доступ от 24.11.2022].

41. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>, доступ от 24.11.2022].

- Дарский Л.Е.* Ожидаемое число детей у женщин разных национальностей и перспективы рождаемости в населении бывшего СССР // Демоскоп-weekly. 2005. № 191–192 [<http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0191/pauka02.php>, доступ от 24.11.2022].
- Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. С. 102–103.
- Захаров С.В.* Демографический переход и воспроизводство поколений в России // Вопросы статистики. 2003. № 11. С. 3–12.
- Захаров С.В.* Тенденции рождаемости в России за последние четыре десятилетия: анализ с учетом вероятности рождения очередного ребенка в условных и реальных поколениях // Население (Naselenie Review). 2019. № 37(1). С. 209–243.
- Захаров С.В., Малева Т.М., Синявская О.В.* Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып. 1. / Научн. ред.: Т.М. Малева, О.В. Синявская. М.: НИСП, 2007. С. 35–74.
- Иванов С.* Новое лицо брака в развитых странах // Демоскоп-weekly. 2002. № 67–68 [<http://www.demoscope.ru/weekly/2002/067/tema06.php>, доступ от 24.11.2022].
- Казенин К.И., Ракша А.И.* Динамика рождаемости по регионам РФ в 2018 г.: основные тенденции // Экономическое развитие России. 2019. № 26 (8). С. 71–78.
- Козлов В.А., Казенин К.И.* Региональные меры поддержки многодетных детей в РФ // Журнал исследований социальной политики. 2020. № 18(2). С. 191–206.
- Малева Т.М., Синявская О.В.* Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // Социальная политика, рекомендации, обзоры (SPERO). 2006. № 5. С. 70–97.
- Маркин К.В.* Между верой и неверием: непрактикующие православные в контексте российской социологии религии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 274–290.
- Международная база демографических данных Института демографии им. А.Г. Вишневого НИУ ВШЭ [<http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>, доступ от 24.11.2022].
- Общественное мнение — 2020. М.: Левада-Центр, 2021.
- Павлюткин И.В.* Динамика религиозности молодежи в России // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2020. № 6(3). С. 153–183.
- Павлюткин И.В.* Значение религии в современной российской рождаемости // Аист на крыше. Демографический журнал. 2017. № 4. С. 34–37.
- Павлюткин И.В., Голева М.А.* Как создаются семьи с большим числом детей: типы жизненных переходов родителей // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 106–117.
- Рыбаковский Л.Л.* Концепция демографической политики России: опыт разработки и пути совершенствования // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 62–70.
- Сигарева Е.П., Сиволясова С.Ю.* Рождаемость и религиозность в России: оценка взаимосвязи // Logos et Praxis. 2019. № 18(1). С. 104–115.
- Синельников А.Б., Медков В.М., Антонов А.И.* Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М.: КДУ, 2009.

- Тольц М., Антонова О., Андреев Е. Рождения вследствие внебрачных зачатий // *Демоскоп-weekly*. 2006. № 229–230 [<http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0229/tema01.php>, доступ от 24.11.2022].
- Тольц М. С. От абортного термидора к законодательному либерализму: политика в области брачно-семейных отношений как зеркало истории СССР // Развитие населения и демографическая политика. Памяти А. Я. Кваши. Сб. статей. / Под ред. М. Б. Денисенко, В. В. Елизарова. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 157–169.
- Чурилова Е. В., Захаров С. В. Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма? // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2019. № 3–4. С. 69–89.
- Andreev, E. M., Zakharov, S. V. (2017) “Mikroperepis’-2015 stavit pod somnenie rezul’tativnost’ mer po stimulirovaniu rozhdaemosti” [Micro census — 2015 questions the effectiveness of measures to elevate fertility], *Demoskop-Weekly* 711–712 [<https://publications.hse.ru/articles/203419323>, accessed on 24.11.2022].
- Arkhangel’skii, V. N. (2015) “Pomoshch’ sem’iam s det’mi v Rossii: otsenka demograficheskoi rezul’tativnosti” [Assistance to families with children in Russia: assessment of the demographic impact], *Sotsiologicheskie issledovaniia* 3: 56–64.
- Barkalov, N. B., Darsky, L. E. (1994) *Russia. Fertility, Contraception, Induced Abortion, Infant and Maternal Mortality*. The Futures Group International.
- Bosveld, W. (1996) *The Ageing of Fertility in Europe. A Comparative Demographic-Analytic Study*. Amsterdam: Thesis Publishers.
- Churilova, E. V., Zakharov, S. V. (2019) “Reproduktivnye ustanovki naseleniia Rossii: est’ li povod dlia optimizma?” [Reproductive intentions in Russian population: is there any reason for optimism?], *Vestnik obshchestvennogo mneniia. Dannye. Analiz. Diskussii* 3–4: 69–89.
- Darskii, L. E. (2005) “Ozhidaemoe chislo detei u zhenshchin raznykh natsional’nostei i perspektivy rozhdaemosti v naselenii byvshego SSSR” [Number of expected children by different ethnical groups and perspectives of fertility in the population of the former USSR], *Demoskop-weekly* 191–192.
- Frejka, T. (2008) “Parity Distribution and Completed Family Size in Europe: Incipient Decline of The Two-Child Family Model?”, *Demographic Research* 19(4): 47–72.
- Frejka, T., Westoff, C. F. (2008) “Religion, Religiousness and Fertility in the US and in Europe”, *European Journal of Population*, 24(1): 5–31.
- Frejka, T., Zakharov, S. (2013) “The Apparent Failure of Russia’s Pronatalist Family Policy”, *Population and Development Review* 39(4): 635–647.
- Gauthier, F. (2022) “Religious Change in Orthodox-Majority Eastern Europe: from Nation-State to Global-Market”, *Theory and Society* 51: 177–210.
- Human Fertility Database. Completed cohort fertility [<https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>, accessed on 24.11.2022].
- Inglehart, R. F. (2010) “Faith and Freedom: Traditional and Modern Ways to Happiness”, in E. Diener, J. F. Helliwell, D. Kahneman (eds) *International Differences in Well-Being*, pp. 351–397. New York: Oxford University Press.
- Ivanov, S. (2002) “Novoe litso braka v razvitykh stranakh” [New features of marriage in developed countries], *Demoskop-weekly* 67–68 [<http://www.demoscope.ru/weekly/2002/067/tema06.php>, accessed on 24.11.2022].
- Katz, M. H. (2013) *Prayer in Islamic Thought and Practice*, pp. 177–209. Cambridge University Press. New York.

- Kazenin, K. I., Raksha, A. I. (2019) "Dinamika rozhdaimosti po regionam RF v 2018 g.: osnovnye tendentsii" [Fertility dynamic in Russian regions in 2018: main tendencies], *Ekonomicheskoe razvitie Rossii* 26(8): 71–78.
- Kohler, H.-P., Billari, F. C., Ortega, J. A. (2006) "Low Fertility in Europe: Causes, Implications and Policy Options", in F. R. Harris (ed.) *The Baby Bust: Who Will do the Work? Who Will Pay the Taxes?*, pp. 48–109. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.
- Kozlov, V. A., Kazenin, K. I. (2020) "Regional'nye mery podderzhki mnogodetnykh detei v RF" [Regional support of large families in RF], *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 18(2): 191–206.
- Lesthaeghe, R. (2010) "The Unfolding Story of the Second Demographic Transition", *Population and Development Review* 36(2): 211–251.
- Lesthaeghe, R. (2014) "The Second Demographic Transition: A Concise Overview of Its Development", *Proceedings of National Academy of Sciences of the USA (PNA)* 111(51): 18112–18115.
- Maleva, T. M., Siniavskaja, O. V. (2006) "Sotsial'no-ekonomicheskie faktory rozhdaimosti v Rossii: empiricheskie izmereniia i vyzovy sotsial'noi politike" [Socio-economic determinants of fertility in Russia: empirical measurements and challenges for social policy], *Sotsial'naja politika, rekomendatsii, obzory (SPERO)* 5: 70–97.
- Markin, K. V. (2018) "Mezhdou veroi i neveriem: nepraktikuishchie pravoslavnye v kontekste rossiiskoi sotsiologii religii" [Between faith and disbelief: impractical Orthodox in the context of Russian sociology of religion], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 2: 274–290.
- Obshchestvennoe mnenie — 2020* [Public opinion — 2020] (2021). M.: Levada-Tsentr.
- Pavliutkin, I. V. (2017) "Znachenie religii v sovremennoi rossiiskoi rozhdaimosti" [The role of religion in Russian fertility], *Aist na kryshe. Demograficheskii zhurnal* 4: 34–37.
- Pavliutkin, I. V. (2020) "Dinamika religioznosti molodezhi v Rossii" [Dynamics of young people's religiosity in Russia], *Nauchnyi rezul'tat. Seriia: Sotsiologiya i upravlenie* 6(3): 153–183.
- Pavliutkin, I. V., Goleva, M. A. (2020) "Kak sozdaiutsia sem'i s bol'shim chislom detei: tipy zhiznennykh perekhodov roditelei" [How do families with many children emerge? Typology of parents' transitions], *Sotsiologicheskie issledovaniia* 7: 106–117.
- Peri-Rotem, N. (2016) "Religion and Fertility in Western Europe: Trends Across Cohorts in Britain, France and the Netherlands", *European Journal of Population* 32: 231–265.
- Philippov, D., Berghammer, C. (2007) "Religion and Fertility Ideals, Intentions and Behaviour: a Comparative Study of European Countries", *Vienna Yearbook for Population Research* 5: 271–305.
- Rybakovskii, L. L. (2015) "Kontseptsiiia demograficheskoi politiki Rossii: opyt razrabotki i puti sovershenstvovaniia" [Demographic policy of Russia: experience of development and ways of improvement], *Sotsiologicheskie issledovaniia* 9: 62–70.
- Scherbov, S., Van Vianen, H. (2001) "Marriage and Fertility in Russia of Women Born Between 1900 and 1960: A Cohort Analysis", *European Journal of Population* 17(3): 281–294.
- Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu. (2019) "Rozhdaimost' i religioznost' v Rossii: otsenka vzaimosviasi" [Fertility and Religiosity in Russia: Assessing Interaction], *Logos et Praxis* 18(1): 104–115.
- Sinel'nikov, A. B., Medkov, V. M., Antonov, A. I. (2009) *Sem'iai i vera v sotsiologicheskom izmerenii (rezul'taty mezhregional'nogo i mezkhkonnessional'nogo issledovaniia)*

- [Family and Faith in the Sociological Dimension (Results of an Interregional and Interfaith Study)]. М.: KDU.
- Sobotka, T. (2014) "Is Lowest-Low Fertility in Europe Explained by the Postponement of Childbearing?", *Population and Development Review* 30(2): 195–220.
- Tol'ts, M., Antonova, O., Andreev, E. (2006. "Rozhdeniia vsledstvie vnebrachnykh zachatii" [Births as results of premarital conceptions], *Demoskop-weekly* 229–230 [http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0229/tema01.php, доступ от 24.11.2022].
- Tol'ts, M.S. (2014) "Ot abortnogo termidora k zakonodatel'nomu liberalizmu: politika v oblasti brachno-seimeinykh otnoshenii kak zerkalo istorii SSSR" [From abortion Thermidor to legislative liberalism: politics in the field of marriage and family relations as a mirror of the history of the USSR], in M. B. Denisenko, V. V. Elizarov (eds) *Razvitie naseleniia i demograficheskaiia politika. Pamiati A. Ia. Kvashi. Sbornik statei*, pp. 157–169. М.: MAK Press.
- UN. Department of Economic and Social Development (1992) *Patterns of Fertility in Low-Fertility Settings. ST/ESA/SER.A/131*. New York: UN.
- Vishnevskii, A. G. (2008) "Global'nye determinanty nizkoi rozhdaemosti" [Global determinants of low fertility], in G. G. Malinetskii (ed.) *Sinergetika. Budushchee mira i Rossii*, pp. 71–91. Izd. LKI.
- Vyrskaiia, M. S., Makarentseva, A. O. (2017) *Metodicheskoe predstavlenie obshcherossiiskogo oprosa "Chelovek, sem'ia, obshchestvo"* [Methodological presentation of the all-Russian survey "Man, family, society"]. [https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/86-chelovek-semya-obshchestvo-2017/48-reports-presentations/raw-data?function=downloadFile, доступ от 24.11.2022].
- Zakharov, S. (2018) "Family Policy", in I. Studin (ed.) *Russia: Strategy, Policy, Administration*, pp. 319–330. L.: Palgrave Macmillan UK.
- Zakharov, S.V., Maleva, T.M., Siniavskaiia, O.V. (2007). "Programma «Pokoleniia i gender» v Rossii: voprosy metodologii" [Generations and Gender Program in Russia: questions of methodology], in T. M. Maleva, O. V. Siniavskaiia (eds) *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve. Po materialam odnogo issledovaniia. Sb. analiticheskikh statei. Vyp.1*. Nauchn, pp. 35–74. М.: NISP.
- Zakharov, S.V. (2003) "Demograficheskii perekhod i vosproizvodstvo pokolenii v Rossii" [Demographic transition and reproduction of generations in Russia], *Voprosy statistiki* 11: 3–12.
- Zakharov, S.V. (2019) "Tendentsii rozhdaemosti v Rossii za poslednie chetyre desiatletii: analiz s uchetom veroiatnosti rozhdeniia ocherednogo rebenka v usloynykh i real'nykh pokoleniiaakh" [Fertility trends in Russia over the past four decades: an analysis based on period and cohort parity progression ratios], *Naselenie (Naselenie Review)* 37(1): 209–243.
- Zimmer, Z., Rojo, F., Ofstedal, V.B., Chiu, C.-T., Saito, Y., Jagger, C. (2019) *Religiosity and Health: A Global Comparative Study*. SSM — Population Health, Vol. 7.